

Д. В. МУХЕТДИНОВ

Московский исламский институт, г. Москва,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИОННУЮ РАБОТУ:

**АББЯСОВ Р. Р. СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ
ДОКТРИНА ИСЛАМА: ДИС. ... КАНД. ФИЛОС.
НАУК: 09.00.14 — ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ / РУШАН РАФИКОВИЧ
АББЯСОВ; ФГБОУ ВПО РАНХИГС. М., 2017. 185 С.**

МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович — канд. полит. наук, ректор.

Московский исламский институт.

(109382, г. Москва, пр. Кирова, 12);

проф. Восточного факультета. Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

Для цитирования: *Мухетдинов Д. В.* Рецензия на диссертационную работу: Аббясов Р. Р. Современная социальная доктрина ислама: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14 – Философия религии и религиоведение / Рушан Рафикович Аббясов; ФГБОУ ВПО РАНХиГС. М., 2017. 185 с. Ислам в современном мире, 2018; 2: 217–222; DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-2-217-222

Статья поступила в редакцию: 01.03.2018

Статья принята к публикации: 02.04.2018

1 ФЕВРАЛЯ 2018 г. состоялась успешная защита диссертации первого заместителя председателя Совета муфтиев России, руководителя аппарата Совета муфтиев России, председателя Духовного управления мусульман Московской области Аббясова Рушана Рафиковича, представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук. Это очень знаменательное событие, важное не только в жизни диссертанта, но и имеющее значение для всей российской уммы. Важен и сам пример Рушана-хазрата и просто как человека, не останавливающегося в своем стремлении к знанию, и как религиозного деятеля, ищущего тесного взаимодействия с наукой. Конечно, религиозный деятель, человек образованный и компетентный в своей сфере, гораздо комфортнее чувствовал бы себя, демонстрируя свои познания в соответствующем кругу — людей, понимающих теорию и методологию познания вопросов религии именно с позиций основ того или иного религиозного учения. Хотя в Российской Федерации теперь и существует «Теология» как научная специальность, наличествует огромное количество проблем, пока затрудняющих продуктивное воплощение в жизнь проекта подготовки специалистов. Поскольку, как одна из этих проблем, создание диссертационного совета по исламской теологии хотя и было одобрено Министерством образования и науки РФ еще в 2016 г., вопрос о реализации этой идеи на практике еще далек от решения. Эти обстоятельства вынуждают религиозных деятелей, если они имеют такое желание, защищаться перед представителями светских наук, подстраиваясь под те правила, что характерны именно для них. Это, конечно, в значительной степени ограничивает их возможности, поскольку все-таки невозможно отразить все вопросы, касающиеся религии как явления объективно иррационального, т. е. не подверженного тем критериям, которые выдвигает именно научное познание. Научная теория и методология — это удел именно исследователей, стремящихся найти какие-то общие законы между явлениями и процессами, выявить связи, прийти к их общему объяснению... Задача теолога совершенно иная — он должен быть знатоком того вероучения, к которому сам принадлежит, и уметь находить объяснение всевозможным проявлениям различных сфер жизнедеятельности общества, базируясь на тех установках, которые составляют опору этого вероучения.

В такой ситуации оказался и наш коллега Рушан-хазрат. Он представил научному сообществу работу того формата, который был задан именно требованиями светской науки. И работа, нужно сказать, получилась.

Следует отметить, что попытка раскрыть тему под названием «Современная социальная доктрина ислама» сама по себе уже предполагает значительные сложности, учитывая возможность довольно

широкого понимания смысла данной формулировки. И Рушану-хазрату, несомненно, следовало бы быть более внимательным, четче отразив в названии поставленную им в данной работе цель, которую он формулирует следующим образом: «выявить специфику современных социально-доктринальных установок ислама и установить их приоритетные направления на примере российской уммы» (с. 14). Эта конкретизация очень важна и потому, что позволила бы более четко сказать об актуальности его работы, концентрирующей внимание в первую очередь именно на проблемах российской уммы, не рискуя затронуть такую широкую проблематику, углубившись в которую, исследователь рисковал бы оказаться в ситуации, когда смог бы в итоге ограничиться весьма поверхностной работой. В любом случае так и получилось, что даже использованный Рушаном-хазратом материал имеет непосредственное отношение именно к тематике, связанной с российским мусульманством.

Рушан-хазрат совершенно прав, говоря о практической значимости его работы, которая состоит в том, что ее «выводы и положения могут быть учтены при дальнейшей разработке и совершенствовании социальных документов российских мусульман». А «материалы исследования могут быть интересны органам государственной власти, занимающимся государственно-конфессиональными отношениями» (с. 18). Речь идет именно о задаче реального воплощения в жизненной практике осмысленных концептуальных схем, чем во взаимодействии с властями и должны заниматься религиозные деятели, а именно разработкой адекватной социальной доктрины, создавая максимально комфортные условия для адаптации религиозного населения в условиях современного им мира. Как указывает сам автор в тексте диссертации: «Мировоззренческая функция социального учения религии заключается в том, что оно формирует у верующего систему взглядов на окружающий мир, которой он должен придерживаться, находясь в рамках конкретной религиозной традиции» (с. 21), выделяя как важнейшую из задач социальных учений «попытку ответа на наиболее актуальные вопросы современности, на которые сами верующие, порой, ответить не могут» (с. 25).

Именно в Коране и Сунне мусульмане должны видеть ту изначально заданную социальную доктрину. Именно те, кто должен выступать посредниками между источником и множеством верующих, — толкователи несут на своих плечах ответственность за ту картину настоящего, которая отражается в умах верующих. К сожалению, как показала история, за столетия понимание изначальных посылов Корана и Сунны в значительной степени отдалилось от мусульман, в чем, конечно, сыграли свою роль и недобросовестные посредники. Сейчас, если говорить объективно, было бы наивным идеализмом полагать, что еще возможно

как-то враз призвать всех мусульман земного шара к какому-то единому пониманию аспектов социальной жизни, даже прямыми ссылками на Коран и Сунну, ведь за множество столетий сложилось огромное число школ и толков, сформировавшихся в устойчивые традиции, плавно эволюционировавшие на протяжении веков в конкретно-историческом контексте, уникальном для определенного случая. Каждая из них базируется на собственных столпах и методологии, сформировавшейся стараниями не одного поколения толкователей. Именно эту проблему исламский мир осознал в XIX в., когда хотя и многочисленная, но рассеянная умма вдруг проснулась и увидела себя объектом колониального угнетения. И только тогда стали возникать вопросы, наподобие «Как так получилось?» или «Как это исправить?». Поэтому очень важно, что диссертант обращает внимание на такие, ставшие одиозными в современном массовом восприятии фигуры, как Саид Джамал ад-дин ал-Афгани, Абд ар-Рахман ал-Кавакиби, Саид Ахмад-Хан и Мухаммад Абдо. Часто обращая лишь поверхностное внимание на форму их призывов, мало кто задумывается о реальных практических целях, которые ставили перед собой эти деятели. Выступая как сторонники модернизации мусульманского общества, они видели в этом единственный выход не только для возрождения мусульманской уммы, но и для ее сохранения вообще. Важно, что Рушан-хазрат акцентирует внимание на их антиколониальной риторике (с. 49–50). И именно такие же тенденции были характерны для Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Это очень важно, как подмечает диссертант, что выступившие флагманами прогрессивной российской мусульманской интеллигенции Ш. Марджани, Х. Фаизханов, И. Гаспринский, Р. Фахретдинов, М. Бигиев и другие были богословами по образованию (с. 50). Остается сожалеть, что диссертант весьма бегло прошелся по их взглядам (с. 51–55), акцентируя гораздо большее внимание на историографических оценках их деятельности.

Вместе с тем недостаточно глубоко затронут диссертантом и период 40-х — 80-х гг. XX в. относительно развития взглядов на социальное учение мусульманских деятелей, тем более что он берет мировой контекст, в мусульманском мире отмечая лишь отдельные тенденции (с. 56–59). Если учесть, что его интересовало прежде всего развитие интеллектуальной мысли в нашей стране, то, конечно, понятно: это объективно очень нелегкий период в истории российской уммы, характеризующийся пресечением всей традиции в связи с гибелью и эмиграцией многих мусульманских деятелей в 20-е — 30-е гг. и дальнейшей борьбой фактически просто за право быть.

В дальнейшем в своей диссертации Рушан-хазрат разбирает конкретные актуальные вопросы, объективно стоящие перед исламской уммой в условиях вызова модернизации. Хотелось бы обратить

внимание на то, что здесь мы вновь встречаем преимущественно оценки различных современных исследователей, в итоге сводя все к очевидному заключению, что «Существование [среди современных мусульманских деятелей. — Д. М.] различных мнений — от модернистски-либеральных до консервативно-радикальных — не позволяют пока что создать общую для всего исламского мира политическую концепцию» (с. 108). Гораздо более интересна третья глава «Социальная доктрина российских мусульман на современном этапе». Диссертант особо выделяет значение для разработки доктрины взглядов И. Гаспринского как теоретической основы (с. 115–116), и мне не может не импонировать тот факт, что диссертант находит удачной предложенную мною разработку более завершенной концепции «российского мусульманства» (с. 116–117, 120–121), говоря о ее перспективности.

Очень удачным представляется параграф 3.3. «Социальная доктрина российских мусульман: содержание и особенности» (с. 134–153), где мы действительно можем увидеть попытку анализа официального юридического документа с позиций именно мусульманской теологии.

Вообще Рушан-хазрат привлек обильное количество литературы, отразившей как относительное богатство, так и жанровое разнообразие собственно научных и справочных источников. Однако большая часть литературы представлена на русском языке, что, конечно, могло быть продиктовано именно тем обстоятельством, что в центре его внимания именно проблемы российской уммы. И опять же большая проблема состоит в том, что теолог должен ориентироваться на работы светских ученых. Никто не отрицает авторитет таких исследователей-востоковедов как В. В. Наумкин, Д. Б. Малышева или Л. Р. Сюкияйнен, речь идет лишь о том, что мы фактически не имеем современных концептуальных работ, написанных религиозными деятелями. Ислам становится объектом изучения тех, кого мы действительно можем классифицировать, как востоковедов, исламоведов, историков, правоведов и т. д., но это люди, изучающие его как сторонние наблюдатели, используя разработанные в рамках европейской науки шкалы и дефиниции. Но где же те, кто изучает ислам «изнутри», имея возможность понимать и чувствовать его так, как это может сделать только человек, имеющий соответствующее базовое образование.

Рушан-хазрат привлекает труды мусульманских интеллектуалов XI–XIV вв., таких как ал-Багдади, Ибн Сина, ал-Газали, ал-Фараби, Табарси, Ибн Мансур и др., труды деятелей российского мусульманства второй половины XIX — начала XX в., прежде всего М. Дж. Бигиева, лишь в качестве источников, и далее обращается к идеям некоторых современных деятелей, в том числе муфтия шейха Равиля Гайнутдина и автора настоящей рецензии. Выше уже отмечалось, что, на мой взгляд, оригинальным работам мусульманских мыслителей могло быть

в действительности уделено гораздо больше внимания, чтобы показать взаимосвязь и преемственность взглядов различных деятелей, хотя, наверное, это потребовало бы работы иного плана. Но возникает и другой вопрос: могло ли быть среди названных авторов больше имен? В частности, избирательно используя труды деятелей российского мусульманства второй половины XIX — начала XX в., затем резко переходя к трудам начала 2000-х гг., диссертант еще раз показал тем самым наличие реальной лакуны, обозначающей не что иное, как разрыв между традициями. Отсутствие работ не исследователей, а именно российских мусульманских деятелей современности говорит лишь о том, что богословская школа российских мусульман еще не сформировалась. Пример отдельных теологов современного периода, среди которых названо и наше имя, свидетельствует здесь, к сожалению, скорее, об исключениях, отнюдь не демонстрируя какое-то массовое явление.

В заключение я хочу еще раз отметить, что Рушан-хазрат должен стать примером для других религиозных деятелей российской уммы в том, что они должны направлять усилия и на дальнейшее саморазвитие, в частности в области познания и научной сферы тоже. Постигание светской науки здесь не является самоцелью, а должно рассматриваться как необходимость расширения познаний во благо уммы, потому что только широко образованный человек, мусульманин, может по-настоящему оценить все проблемы, стоящие сегодня перед российским мусульманством, и будет способен заниматься продуктивными поисками их решения.